

Изобретение классика: Н. В. Гоголь в массовом культурном сознании России на рубеже веков

Для ученых, исследующих историю культуры, специфический интерес представляет становление ценностного сознания и в целом — национального менталитета. В этом плане богатый материал для размышлений дает анализ того, как изменялось восприятие произведений Н. Гоголя читающей публикой конца XIX—начала XX века и происходила «канонизация» Гоголя как классика. Но прежде чем приступить к разбору собранного мною материала о Гоголе, я хотел бы сделать несколько предварительных замечаний о том, как трактуется связь между русским менталитетом и русской литературой в рамках настоящей статьи.

Если мы понимаем слово «менталитет» в традиции французской школы анналов, то предметом изучения истории менталитета являются коллективное сознание или подсознание определенного сообщества¹. В этом смысле возможны два варианта изучения «менталитета русской литературы».

Первый — *изучение проявления русского менталитета в русской литературе*. В рамках этого варианта литературные произведения служат материалом для суждения о коллективном сознании или подсознании русского народа. Но здесь мы сталкиваемся с важными методологическими вопросами. Как можно убедиться, что извлеченный из художественного произведения материал действительно отражает русский менталитет? Какие исторические или социальные условия могут подтвердить, что русский народ обладает мировоззрением, выраженным в данном художественном произведении? Мы знаем, что в истории русской литературы народная культура и народные верования служили богатым материалом для многих писателей, в том числе и для Гоголя. Но до какой степени отражает этот материал именно народное мировоззрение? Ведь данный материал мог представлять, в частности, чисто этнографический интерес и использоваться по чисто художественным соображениям. Выделить значимую часть в нем можно только в сопоставлении с большим количеством других — нехудожественных — источников.

Здесь возникает второй подход — *изучение места литературы в русском менталитете*. Моя тема — восприятие Гоголя в массовой культурной среде — предполагает именно этот второй подход. Но здесь необходимы некоторые оговорки. О месте литературы в народном сознании и подсознании можно говорить

---

* Настоящая статья была представлена на международной конференции «Менталитет русской культуры», состоявшейся 13—16 сентября 1993 года в Российском государственном гуманитарном университете.

¹ См. V o v e 11 e M. Ideologies et Mentalites. Paris, 1982.

Моллер-Салли С. (Moeller-Sally S.) — профессор славистики Стэнфордского университета (Калифорния, США).

только тогда, когда существуют условия для массовой письменной культуры. Каковы эти условия? Во-первых, общий уровень грамотности должен быть достаточно высок, чтобы представители совершенно разных социальных и культурных групп имели навыки читать художественную литературу. Во-вторых, эта литература должна быть доступна читающим массам. Для этого нужны широкая сеть обращения литературы, дешевые издания или по крайней мере публичные библиотеки. Эти условия сложились в России только в пореформенное время, собственно говоря, в самом конце XIX века. И именно начиная с этого периода мы можем говорить о месте русской литературы в русском народном менталитете.

В последние два десятилетия XIX века система институций в русской культурной жизни сильно изменилась. Возникновение новой читательской среды и изменения в самих формах публикации и распространения литературы оказали глубокое влияние на восприятие русских классиков читателями. Появление массового литературного рынка в это время служило поводом для жарких дебатов в кругах интеллигенции о том, что читать народу². В результате литературная традиция становится принадлежностью более широких читательских кругов. Дешевые издания классиков оказались доступными как учебным заведениям в глубокой провинции, так и народной массе в целом. Эта совершенно новая среда способствует беспрецедентному взаимопроникновению двух, прежде отдельных, каналов литературного обращения — культурного и массового. Как следствие этого — интерпретация и канонизация русских писателей больше не являются компетенцией лишь профессиональных литераторов. Теперь на восприятие русской классической литературы влияют и преподаватели земских школ, и публикаторы народных изданий, и организаторы юбилеев.

В этих-то условиях и начинается история классиков русской литературы. Такое утверждение может звучать несколько парадоксально. Разве история классиков русской литературы не начинается с самих классиков? Здесь надо вспомнить, что классик — понятие более социокультурного порядка, чем чисто текстурального. Существуют, конечно, текстуральные предпосылки. Язык классика должен оставаться доступным следующим поколениям, и его произведения должны сохранить необходимую открытость или неопределенность, чтобы можно было их понять и проанализировать вне контекста, в котором они были написаны. И все же определение классика лежит, скорее, в области общих культурных ценностей, а общность этих ценностей достигается путем существующей культурной практики и не имеет биологической или этнопсихологической основы. С этой точки зрения можно сказать, что классик русской литературы характеризуется не свойствами творчества писателя, не национальным самосознанием, но, скорее, культурной практикой, которая создает и распространяет его. Эта практика как раз и возникает в русской культуре конца XIX века.

На основе материала истории восприятия Гоголя я хотел бы обратить внимание читателя на некоторые черты культурной практики создания классика. Собранный мною материал разделяется на три части: во-первых, публикация и распространение произведений Гоголя, во-вторых, его биография и, в-третьих, юбилейные празднования, посвященные писателю³.

Публикация и распространение произведений Гоголя

Вместе с общим ростом книжной продукции в России конца XIX — начала XX века росло и количество изданий гоголевских произведений. Увеличился не только общий тираж, но и количество названий, доступное новым читающим массам. Это

---

² О новой читательской среде в России конца XIX — начала XX века см. Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. М., 1991. См. также Brooks J. When Russia Learned to Read. Princeton, 1985, p. 295—352.

³ Здесь я предлагаю вниманию читателей только часть материала по этому вопросу, который использован мной в подготавливаемой монографической работе.

направление в публикации гоголевских произведений началось в 1886 году с продажи авторских прав наследниками Гоголя В. Думнову⁴. Думнов известен как издатель, который предпринял знаменитое десятое издание собраний сочинений Гоголя под редакцией Н. Тихонравова. Но вместе с этим он оказал сильнейшее влияние на отбор дешевых изданий для читающей массы. До этого времени читатель из народа имел возможность читать только пять произведений Гоголя: «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством», «Сорочинская ярмарка», «Страшная месть» и «Тарас Бульба». К этому числу Думнов прибавил еще девять⁵.

Хотя Думнов значительно расширил список названий, однако почти три четверти общего тиража всех произведений Гоголя составляли «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», а на пять упомянутых названий приходилось больше половины этих трех четвертей. Такой выбор объясняется, скорее всего, тем, что ранние произведения Гоголя были ближе к коммерческим изданиям, популярным в народе во второй половине XIX века. Эти произведения, полные юмора, чертовщины, страшных приключений, отвечали установившимся вкусам массового читателя. В нашей статистике обнаруживается одна очень интересная черта. Видно, что в то время существовал не один, а несколько канонов гоголевских произведений. В кругах русской интеллигенции достоинство таких вещей, как «Ночь перед Рождеством» и «Сорочинская ярмарка», затмили такие шедевры, как «Мертвые души» и «Ревизор». Читатель из народа в 80-х годах редко встречал «Ревизора» и вовсе не знал «Мертвых душ».

Представители русской интеллигенции, занимавшиеся народными изданиями, ощущали огромный разрыв между *своим* Гоголем и Гоголем *народа*. Они хотели приблизить народный канон гоголевских произведений к канону интеллигенции. Новый этап в истории восприятия Гоголя начался в 1902 году с истечением срока авторских прав на гоголевские произведения. В этот юбилейный год на книжный рынок хлынула огромная волна гоголевских публикаций. Количество названий достигло двадцати шести, и общий тираж превысил два миллиона. И в обращении были уже едва ли не все художественные произведения Гоголя. Статистика показывает значительно возросшее влияние интеллигенции на народный канон Гоголя. По тиражу четвертое и пятое места занимали «Женитьба» и «Ревизор». А «Мертвые души» из всех новых названий выпускались самым большим тиражом. И все же, несмотря на эти достижения, интеллигенции не удалось окончательно свести народного Гоголя со своим Гоголем. По-прежнему такие произведения, как «Тарас Бульба» и повести из «Вечеров», составлявшие половину общего тиража гоголевских произведений, продолжали оказывать решающее воздействие на массового читателя.

Деятельностью своей издателя гоголевских произведений создали необходимые условия для его превращения в классика. Более того, попытки интеллигенции преобразовать народный канон Гоголя показывают, что издательская деятельность является частью культурной практики, определяющей классика. Ведь выбор канона не только предполагает образ писателя, но и навязывает данный образ читателю. В то же время эти попытки свидетельствуют о том, что одной этой деятельности было недостаточно, чтобы сконструировать общепринятый образ Гоголя как классика. Разрыв между канонами интеллигенции и народа предполагал *разные* образы писателя. Надо было преодолеть этот разрыв другими способами.

Биография

Одним из таких способов была биография. В России конца XIX — начала XX века издавались десятки народных биографий классиков русской литературы. Эти

⁴ Договор, заключенный между наследниками Гоголя и Думновым, находится в РГАЛИ, ф. 139, оп. 2, д. 19.

⁵ Вся книжная статистика, использованная в этой статье, была почерпнута мной из «Книжного вестника».

книги широко распространялись по стране и составляли важную часть культурной практики. Но сразу встает вопрос: почему именно биография? В свете предшествующего анализа можно предположить, что биография давала возможность преодолеть разрыв между противоположными канонами. Жизнеописанием можно было показать читателю из народа путь, по которому шел писатель. Например, в противовес популярности «Тараса Бульбы» и «Сорочинской ярмарки» можно было продемонстрировать, как Гоголь поднимался от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» до вершин «Ревизора» и «Мертвых душ». Действительно, так и писалось в популярных биографиях о Гоголе. Вместе с тем биография разрешила и другие, не менее кардинальные задачи, связанные с изобретением классика.

Биографическая литература о писателях впервые ввела понятие «автор» в массовую читающую среду. До того как интеллигенция стала участвовать в публикаторской, распространительской и популяризаторской деятельности, канон народной литературы состоял только из текстов. Читатели просили книги исключительно по названию. Имена авторов, как правило, не указывались в изданиях для народа. Да и определить автора того или иного произведения подчас было трудно. Законы об авторских правах сплошь и рядом не соблюдались, и литературное пиратство было широко распространено. Многие произведения Гоголя были в обращении без указания их автора и с искаженными названиями. Так, повесть «Вий» появилась под названием «Три ночи у гроба», а «Страшная месть» называлась «Страшным колдуном». И. Сытин рассказывает в своих воспоминаниях, как в один зимний день в лавку к нему зашел мальчик лет пятнадцати и предложил рукопись под заглавием «Страшная ночь, или Ужасный колдун». По виду мальчика было ясно, что он находился в бедственном положении, а заглавие выглядело для издательства подходящим. Сытин сжалился и купил рукопись. Отдав ее в набор, он скоро узнал от корректора, что это — повесть Гоголя. Но деньги издателя не пропали даром. Переделали страниц десять и издали эту вещь⁶.

Одной из основных задач популярной биографии было ознакомление читающих масс с понятием «авторство». Мы видим это по брошюре В. Острогорского, который написал к пятидесятилетию со дня смерти Гоголя биографический очерк для Вятского земства. В предисловии Острогорский дает определение нескольким основным терминам, в том числе и слову «писатель»: «Люди же образованные и даровитые, которые пишут на пользу и удовольствие людям, называются *писателями или литераторами*. Те же из писателей, которые словом своим принесли наибольшую пользу современникам и из сочинений которых научаются потомки, называются *писателями великими*. Их особенно почитает страна и именами их гордится»⁷.

Для нас здесь важно не только, что читатели из народа узнавали о существовании категории людей, которые называются писателями. Важно то, что, читая биографии писателей, они учились, как относиться к ним.

«Правильное» отношение читателя к классику выражалось не только описательными сентенциями, как у Острогорского, но и образами. Из различных образов Гоголя, которые встречаются в биографической литературе дореволюционного времени, преобладают два: образ учителя и образ пророка. Интересно, что найти эти образы можно в биографиях, написанных с самых противоположных идеологических позиций. Например, в книге «Как жил Н. В. Гоголь и что он писал» Р. Хлебникова, которая в трактовке Гоголя следует традиции прогрессивной интеллигенции, пишет: «Книги учат нас, как мы должны жить, чтобы быть счастливыми. Прочтя, например, книгу о том, как жили в старину люди, мы можем взять из такой книги хорошие примеры для своей жизни...»⁸.

В ее повествовании Гоголь на каждом шагу учит читателя жить. Автор

⁶ См. Сытин И. Д. Страницы пережитого. М., 1985, с. 88, 80—82.

⁷ Острогорский В. Николай Васильевич Гоголь. Литературно-биографический очерк. Вятка, 1902, с. IV.

⁸ Хлебникова Р. Как жил Н. В. Гоголь и что он писал. М., 1902, с. 7—8.

биографии делает акцент на желании молодого писателя быть полезным своей стране, а его художественные произведения трактуются преимущественно в свете этого желания: «Н. В. Гоголь думал, что, показав в «Ревизоре» язву тогдашнего общества — взяточничество, он сделает то, что все захотят сделаться лучше, честнее и что таким образом его заветная мечта о пользе родине исполнится»⁹. В биографии Хлебниковой Гоголь велик потому, что он осуществил свою заветную мечту.

Совсем с другой идеологической позиции была написана книга «Гоголь как учитель жизни». Изданная четыре раза на протяжении 1888—1902 годов, она была одной из самых распространенных популярных биографий в дореволюционный период. Уже самим названием в ней определяется отношение к писателю. А история этой книги свидетельствует, что взгляд на писателя как на учителя жизни провозглашался по отношению не только к мертвым, но и к живым классикам. Дело в том, что эта биография была предпринята по инициативе Льва Толстого. В ней он явно хотел возвысить образ автора, становившийся все более и более актуальным для него самого. Сходство, которое он видел между собой и Гоголем, выражено в письме В. Черткову, написанном вскоре после того, как Толстой перечитал «Выбранные места из переписки с друзьями»: «40 лет тому назад человек, имевший право это говорить, сказал, что наша литература на ложном пути — ничтожна, и с необыкновенной силой показал, растолковал, чем она должна быть, и в знак своей искренности сжег свои прежние писания... Пошлость, обличенная им, закричала: он сумасшедший, и 40 лет литература продолжает идти по тому пути, ложность которого он показал с такой силой... Пошлость царствует, и я всеми силами стараюсь, как новость, сказать то, что чудно сказано Гоголем»¹⁰.

Толстой предложил Черткову выпустить брошюру, содержащую отрывки из «Выбранных мест», и сопроводить ее краткой биографией. Толстой сам отобрал отрывки из произведений Гоголя, хотя текст в целом был составлен А. Орловым. Не удивительно, что в книге делается упор на духовный кризис и перестройку Гоголя или, по словам Орлова, «победу христианина над художником». Здесь, в отличие от биографии Хлебниковой, весьма ощутим пересмотр прежней характеристики Гоголя конца XIX — начала XX века.

Книга «Гоголь как учитель жизни» указывает еще на одну интересную черту биографической литературы о классике. Когда Толстому пришла в голову идея этой книги, он в письме Н. Страхову писал: «Это было бы чудное житие для народа»¹¹. Я хочу обратить внимание читателя на слово «житие», которое обнаруживает связь между популярными биографиями классиков и религиозной литературой. Биография стала важной частью культурной практики создания классика отчасти потому, что она во многом отвечала уже установившимся вкусам массового читателя. Ведь в дореволюционный период жития святых составляли огромную долю обращавшейся среди низших слоев литературы. Именно этой жанровой переключкой объясняется превалирование двух образов в биографической литературе о писателях: учителя и пророка.

Столетний юбилей Гоголя

Связь между складывавшейся в то время традицией создания классика и уже существующей культурной практикой религии дает нам право говорить о понятии «классик» как об изобретении. Понятие «изобретение традиции» восходит к английскому историку Э. Гобсбауму. Среди проявлений этого процесса он указывает на категорию изобретенных традиций, в которых используется

⁹ Там же, с. 25.

¹⁰ Цит. по: Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979, с. 113.

¹¹ Там же.

прежний культурный материал для построения традиции нового типа и с новыми целями¹². В новой традиции создания классиков русской литературы культурный материал религии использовался не только в биографической литературе, но и в юбилейных торжествах. Первым общенародным юбилеем в честь писателя были знаменитые пушкинские дни 1880 года. Но уже к началу XX века юбилеи стали неотъемлемой составной частью культурной практики.

Существующие исследования о гоголевских и других юбилеях обычно ставят во главу угла речи и статьи в честь писателя, которые способствуют проявлению деятельности профессиональных литераторов. Но если вдуматься в суть вопроса, юбилеи являются событиями, в которых *все* — а не только речи и статьи — служит средством создания классика. Они развивают в народе определенное отношение к писателю. Чтобы в этом убедиться, стоит только кратко напомнить о том, что помимо речей и статей происходило в гоголевские дни 1909 года. Служили панихиды в честь великого поэта-христианина. Открыли памятник, вызвавший скандал в силу того, что он якобы сделан в стиле декаденства. Устраивали выставки, на которых такие аксессуары, как портфель, жилет и кресло Гоголя, приобретали функцию реликвий. Писали юбилейные гимны и кантаты, в которых восхваляли Гоголя как богатыря и бога, например:

«Русских сказок мало-ль, много-ль!
Есть одна: в ней свет и ширь!
Это та, как жил-был Гоголь,
Из Украины богатырь»¹³.

Или другой пример:

«На крыльях легкого эфира
Спустился к нам на землю ты;
Но смерть пришла, умолкла лира
И скрылись светлые мечты»¹⁴.

Не подлежит сомнению, что многие из этих видов деятельности имеют корни в культурной практике религии, и отсюда их роль в формировании отношения народа к классикам. Но нельзя забывать, что памятники, гимны и выставки служили целям юбилея еще и потому, что были доступны широким массам. Сложности гоголевского текста замещались изобразительными и музыкальными образами.

И, наконец, еще один момент, которым я хотел бы закончить настоящую статью. В России конца XIX — начала XX века расширялись как читательская аудитория, так и каналы формирования репутации писателей. Интеллигенции удалось, с одной стороны, распространить среди народа русскую литературную традицию, с другой — произошел существенный сдвиг в самом характере отношения к классикам. Как показывает пример Гоголя, отношение все больше и больше уходило в сторону от прочтения самих произведений, на которых строилась его прижизненная репутация, и основывалась не на его текстах, но, скорее, на их комментариях, на той практике популяризации, которая удовлетворяла потребности массовой культурной среды.

---

¹² См. H o b s b a w m E. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983, p. 6.

¹³ лавам В. И. Хор Н. В. Гоголю. Слова К. К. Случевского. СПб. 1909.

¹⁴ Стеценко К. Гимн памяти Н. В. Гоголя. Слова М. Быка. Киев, 1909.